

ВРЕМЯ В ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

А. С. Пономарев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 декабря 2008 г.

Аннотация: отношение к времени есть весьма действенный способ понимания специфики соответствующих культур, а следовательно, и установления межкультурного диалога. В статье находит свое обоснование как западная интенция к будущему, так и восточная традиционность.

Ключевые слова: диалог культур, время, процесс, настоящее, будущее.

Abstract: concept of the time is a very important one in understanding the cultural entity and finding the path to intercultural dialogue. The article deals both with western and eastern concept of the time. The main thesis is that western culture based upon concept of the future as in the eastern culture prevails tradition.

Key words: dialogue of cultures, time, process, present, future.

Проблема времени находится в неразрывной связи с важнейшими философскими концептами, такими как становление и бытие, существование и сущность, конечное и бесконечное. В связи со сказанным сравнительный анализ отношения к времени есть *больше* чем отношение к времени. Это, может быть, не самый прямой, но весьма действенный способ подойти к важнейшей проблеме современности, связанной с пониманием специфики рассматриваемых культур. А без понимания нет и не может быть диалога.

Если философия Запада уже в эпоху античности вырабатывает понятие времени, и затем — при появлении соответствующей возможности в культуре — все свои потенции направляет на стремительное движение вперед, в будущее, то Восток оказывается удивительно безразличным к временной проблематике. Более того, в Китае сам язык не ставит такой проблемы: «...в китайском языке отсутствует категория времени, и соответствующий глагол выражает только сам факт наличия безотносительно ко времени» [1]. Какова же картина мира, где даже в самом языке не возникла потребность дифференциации временных отношений, где все пронизано стремлением к сохранению многовековой традиции и чем она отлична от западной? — вот вопрос, который, может быть, поможет лучше понять различия Запада и Востока.

Для Запада сама возможность мысли о времени, выделения времени в качестве особого понятия обусловлена разделением онтологии на два уровня: бытия и единичных вещей, сущности и существования, бесконечного и конечного. Это — тот самый исходный водораздел, который с самого начала пролегает между онтологически-

ми опытами Запада и Востока. Восток, как мы увидим далее, никогда не включает единичные вещи в свои онтологические построения. А потому у западного мыслителя, идущего тем же самым путем — путем отказа от единичного (точнее, не умеющего мыслить единичное), проблема с временем будет той же самой или (что более правильно) проблемы с временем не будет вовсе. Парменид, впервые вводя философский концепт бытия, утверждает: «...не “было” оно, и не “будет”, раз ныне все сразу “есть”... Не сыщешь ему ты рожденья <...> Правда его не пустила рождаться, ослабив оковы, иль погибать...» [2]. Всякая изменчивость («было», «будет», «рождается», «погибает» и т.д.) есть характеристика единичного. Удел единичного — располагаться на грани бытия и небытия, что и схватывается в терминах предельных точек. Рациональной философской мысли Запада всегда необходимо организовывать саму текучесть становления, выделяя в нем «до» и «после», «начальное», «последующее», «последнее» состояния.

Но именно это позволяет выделить время как особое понятие. Время не должно было «плыть» вместе с текучестью вещей, ибо в этом случае оно никогда не смогло бы быть выделено особой категориальностью. Указанное выделение впервые осуществил Аристотель, концепция времени которого, собственно, и составляет суть всех рациональных построений. «В своей основе понятие времени, как его сформулировал Аристотель, оставалось неизменным» — отмечает М. Хайдеггер [3]. Время принадлежит к миру становления, миру чувственно воспринимаемых вещей. Любая вещь прежде всего конечна, возникновение и уничтожение являются ее неотъемлемыми характеристиками. О времени можно говорить лишь при различении предыду-

щего и последующего, а такое различие лучше всего представляет движущееся тело, взятое со стороны внешней определенности, сосредоточенной в точках отправления и прибытия, минуя сам процесс соответствующего движения. Отсюда — определение времени через движение, понятое как количественное накопление своих результатов: «...время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [4]. Знаменитые апории Зенона (прежде всего, «летающая стрела»), есть адекватный ответ на данную ситуацию. Но тем не менее «...мы больше никогда не расстанемся с этой аналогией, восполнившей ненаблюдаемость времени наблюдаемостью пространства, — аналогией времени с линией, которая репрезентирует траекторию движущегося тела» [5, с. 31]. Действительно, такая аналогия является в онтологии преобладающей (если не единственной), вплоть до критики этой аналогии («пространственного времени») Бергсоном.

Итак, время есть тот фактор, который делает возможным мыслить конечную вещь, или, что то же, — время есть форма существования конечной вещи, поскольку ее конечность вообще мыслима. Неизменность в западной традиции связывается, а часто и отождествляется, с понятием вечности. Так, Платон говорит о мире идей как о «вечном» в смысле совершенства, неизменности и полноты бытия. И здесь есть аспект, парадигмальный для всего последующего развития западной мысли и культуры. Коль скоро «полнота бытия» оказывается вынесена за рамки налично данного существования, вполне возможно помыслить такой момент времени, когда сущность максимально выражена в существовании, некое совершенное состояние мира. Но так как этот момент не является актуально существующим, то он мыслится отдаленным во времени — в прошлом или будущем, при полном забвении настоящего. А потому зададим сакраментальный вопрос: не перегружает ли себя западный человек, надрывая здоровье и психику, своей постоянной интенцией к будущему? Истина жизни для него всегда где-то там, туда и надо спешить.

Если идеального в своем совершенстве состояния нет сейчас, то оно либо уже было, либо когда-то настанет. И при появлении в христианской культуре интуиции человека, деятельно преобразующего мир, оказалось принципиально возможным совершенное состояние либо вернуть (если оно было в прошлом), либо приблизить (если оно отдалено в будущее). Эта культура устремлена в будущее, к «граду Божию», тому совершенству, которого актуально не существует,

но в направлении которого движется вся человеческая история. Именно из христианского понимания направленности истории возникла европейская идея прогресса. Участие человека в истории санкционировало и возможность приближения желаемого будущего. При совмещении прогрессистского понимания истории с представлением о человеке как деятельном субъекте возникает идея преобразования как принципиальной возможности установления совершенного состояния здесь и сейчас. Запад оказывается нетерпеливым, он не может долго ждать лучшей жизни, стремясь приблизить ее, сделать идеал налично данным. Христианская по сути идея — воплотить вечное во временном — постепенно трансформировалась в европейском сознании в идею революционного преобразования человека и общества.

Мировоззрение Востока исследователями характеризуется как «виталистический натуралистический холизм» [6, с. 52]. Восточная мысль не приходит к онтологическому разделению мира, понимая Вселенную как единый организм. Единство сущего фиксируется здесь как Дао. Перевод этого слова как «путь» передает саму суть даосского мировосприятия. Все есть непрерывный поток сменяющих друг друга вещей и явлений. Дао никогда не останавливается в своей пульсации, это длительность в которой невозможно выделить сколь-либо устойчивые точки, а это последнее, как мы видели, является необходимым условием рождения относимой ко времени категориальности.

Иными словами, для китайской мысли существование единичной вещи не становится предметом философского рассмотрения, вещь важна постольку, поскольку она является проявлением всеобъемлющего Дао. Само существование многообразных вещей и явлений не имеет подлинно онтологического статуса, а для буддизма существование многообразия в мире есть вообще не более чем иллюзия. Восток всегда мыслит под знаком единства не выделяя «крайности», в которые можно было бы вписать индивидуальное существование. Рождение и смерть не точки, определяющие существование, а одни из многих проявлений высшего единства, этапы в следовании Пути. Вся динамика мирового существования подобна годовому циклу, в котором один сезон сменяет другой, причем сложно точно сказать, когда, например, закончилась весна и началось лето. Переход от одного состояния к другому не является «скачком», его нельзя точно определить.

Как мы видели, Запад фиксирует время из необходимости согласовать существование двух

несовместимых моментов, таких, например, как предыдущее и последующее положения движущегося тела. В китайской традиции различные состояния вовсе не являются несовместимыми. Все есть проявление высшего единства Дао, потому одна ситуация не только не противостоит, но и внутренне тождественна другой.

Таким образом, «Китай пришел к тому, чтобы мыслить не “время”, а процесс» [5, с. 33]. Но именно этот чистый, ничем не завершающийся процесс как основание непрерывности не видим западной мыслью, в силу своего пребывания «в тени» фундирующих существование единичной вещи предельных точек. «...В европейской культуре, — отмечает Е. А. Торчинов, — несмотря на наличие в ней, начиная с античности, категории становления (классически выраженной в учении Гераклита), понимание мира и вещей как процессов было впервые сформулировано только А. Н. Уайтхедом в первой половине нашего (т.е. XX. — А. П.) столетия» [6, с. 93]. Вместе с тем при обращении к процессуальности перед Западом встает новая проблема — рацио-

нального выражения самого процесса. Не случайно А. Бергсон полагал возможным не рациональное, а лишь интуитивное проникновение в длительность как коррелят процессуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткаченко Г. А.* Космос, музыка, ритуал : миф и эстетика в «Люйши чуньцю» / Г. А. Ткаченко. — М. : Наука, 1990. — С. 22.
2. *Парменид.* О природе / Парменид // Фрагменты ранних греческих философов. — М. : Наука, 1989. — Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — С. 296.
3. *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. — Томск : Водолей, 1998. — С. 14.
4. *Аристотель.* Физика / Аристотель // Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1981. — Т. 3. — С. 149.
5. *Жюльен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить» / Ф. Жюльен. — М. : Прогресс-Традиция, 2005.
6. *Торчинов Е. А.* Пути философии Востока и Запада : познание запредельного / Е. Торчинов. — СПб. : Азбука-классика : Петербургское востоковедение, 2007.

*Воронежский государственный университет
Пономарев А. С., аспирант кафедры онтологии
и теории познания факультета философии и психологии
alex_serg@box.vsi.ru*

*Voronezh State University
Ponomarev A. S., Post-graduate Student, Department
of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of
Philosophy and Psychology
alex_serg@box.vsi.ru*